

Мартин
УЭЙТС

ОНА
НЕ ПРОСТИЛА

ОНА
НЕ ЗАБЫЛА

ОНА
НИКОГДА
НЕ УХОДИЛА

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ²
АНГЕЛ СМЕРТИ

Мартин Уэйтс

Женщина в черном
2. Ангел смерти

«АСТ»

2013

Уэйтс М.

Женщина в черном 2. Ангел смерти / М. Уэйтс — «АСТ», 2013

Поздняя осень 1940 года. Лондон сотрясается от немецких бомбежек. Жителей столицы массово отправляют в эвакуацию. Среди прочих групп эвакуированных – школьники и их молодая учительница Ева Паркинс. Они еще не знают, что никакие немецкие бомбы не сравнятся по губительной опасности с той неотвратимой демонической силой, что таится в давшем им приют мрачном особняке Илмарш-Хаус...

© Уэйтс М., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Дом	6
Мальчик	7
Свет надежды у них в глазах	9
За городом безопаснее	11
Прочь из Лондона	14
Эдвард	17
В пути	18
Деревня-призрак	22
Старик	25
Дорога Девять жизней	26
Особняк Ил-Марш	27
В детской	29
Ночь	31
Молитва	32
Флигель	34
Херувим	35
Скрип-скрип	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мартин Уэйтс

Женщина в черном 2. Ангел смерти

© Martyn Waites, 2013

© Перевод. Н.И. Сидемон-Эристава, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дом

Особняк Ил-Марш. Полуразрушенный, покрытый пятнами сырости. Никем не любимый, никем не обитаемый.

Почти целое столетие простоял он на острове Ил-Марш, в компании клубящихся влажных туманов, неумолимо стирающих все яркие краски, и отвратительно холодных, вечно морозящих дождей, делавших его силуэт еще более смутным. Вот он – едва различимый в туманном полумраке. Пустой. Но отнюдь не молчаливый.

Кружится, бежит вода, омывая остров, на котором некогда был построен дом. Лижет края окружающих торфяных пустошей. Размывает мягкую почву, обращает в смертоносную трясину, готовую уничтожить незадачливого заблудившегося путника, затянуть в погибельную глубь – и навеки сомкнуться над ним, поглотить без следа, – а на поверхности трясины и следа не останется, ровно и не было там никого. Где-то на глубине же воду возмущают тела угрей, скользких, ускользающих и извивающихся. О, эти змееподобные твари со злобными мордами, привыкшие кормиться любыми живыми существами, опустившимися в их придонное царство!

Десятилетиями ничто не нарушало покоя дома. Сложенный в давние времена из тяжелого камня, он дряхлел, но не сдавался, мало не рассыпался в прах – но стоял по-прежнему прямо и гордо. Однако что тут движется? На острове, в доме? Что за движение – современное, новое, нежеланное?

Распахнулась парадная дверь. Темноту хлестнуло светом. Поднялась пыль, испуганные зверьки метнулись в укрытие спасительных теней.

Со стен снимали картины и старые фотографии. Документы, письма и безделушки сложили в коробки и отослали прочь.

А вместо них в доме появились совершенно иные вещи. Чужие, чужеродные. Незнакомые. На окнах развесили тяжелые черные портьеры, преобразившие мир внутри. По ступенькам втащили и расставили по спальням кровати с металлическими сетками, разложили поверх матрасы. Дому предстояло принять новых обитателей.

Теперь по нему змеями проползают толстые, черные провода, свиваются в причудливые, странные извивы, будто темные отражения угрей, изгибающихся в воде вокруг и под островом. Один из проводов тянется к генератору, дающему свет холлам и комнатам.

По стенам развешены противопогазы; их пустые, невидящие глазницы первыми приветствуют прибывающих.

Запущенные, заросшие дорожки и лужайки тоже расчищены. Мало-помалу сад, давным-давно одичавший, возрождается, а с ним – и весь остров.

С надгробий на кладбище счистили плющ и мох, вновь можно прочесть начертанные имена.

Дом готов.

Дом ждет.

Мальчик

Высоко взлетел британский истребитель. Развернулся. С ревом моторов на бреющем полете закружился над взводом солдат. Укрепленные на машине пулеметы изрыгнули огненную смерть.

«Achtung! – закричали солдаты. – Schnell! Heil Hitler!» Одеты они были в форму цвета хаки английских пехотинцев, но говорили на комично искаженном немецком. Потом они упали – кто навзничь, кто на бок, и лежали тяжело и недвижимо, с задранными ногами, с винтовками в поднятых руках.

Истребитель снова взмыл вверх, вновь опустился, завывая в полете. Пилот говорил в переговорное устройство ровно и равнодушно, его прощальную речь прерывали статические помехи. Самолет заходил на новый виток, готовясь опять устремиться вниз, чтобы убивать немецких солдат, еще стоявших на ногах. Дроссели открыты, рев моторов нарастает...

Самолет замер. Застыл абсолютно неподвижно. Ровно завис в воздухе.

Державший его в руке мальчик вскинулся и склонил голову к плечу, прислушиваясь.

Что он услышал? Голос. Голос, звавший его, и только его.

Мальчик повернулся, побрел в направлении окна, будто загипнотизированный этим голосом. Забыта игра, он словно и не видит брошенных на полу жестяных солдатиков. Мальчик ступает по ним, ломает их, крушит и калечит.

Он играл наверху, в одной из немногих комнат, уцелевших в разрушенном бомбежкой доме. Его собственный дом стоял по другую сторону улицы, – единственной улицы, на которой хоть что-то еще сохранилось. Все прочие строения уничтожили немецкие бомбы.

Голос сделался настойчивее, голос призывал и приказывал. Мальчик подбежал к окну, остановился у разбитого стекла. Наклонился, осторожно просунул голову в пустую раму – шеи его едва не коснулись бритвенно-острые осколки.

В дверном проеме по другую сторону улицы возник темный женский силуэт.

– Эдвард! Эдвард!

Это ЕГО МАТЬ.

– Эдвард, иди домой сейчас же! Живо...

Мальчик заморгал за толстыми стеклами очков. Он услышал шум самолета – не самолета из недавней игры, а самого настоящего самолета. Снова прислушался – да там целая эскадрилья, не меньше, и еще громче звучит выматывающе знакомый вой сирены воздушной тревоги.

Мальчик устался в сторону дверного проема. Мать размахивала руками, кричала – надо торопиться, выбирайся оттуда немедленно, бежим в бомбоубежище! На ней было черное шерстяное пальто – то самое, что она раньше надевала только на свадьбы, похороны да в церковь... ну а теперь – только во время воздушной тревоги.

– Единственное мое дорогое пальто, – не единожды слышал мальчик. – Что ж, верно, придется меня в нем и схоронить.

Мальчик посмотрел на зажатый в руке игрушечный самолетик, потом – снова вверх, в небо. Настоящие самолеты приближались, и среди них – ни единого британского «истребителя». Он разжал пальцы, и игрушка упала на пол; там, где она приземлилась, с голых досок пола поднялось облачко пыли. Ощувив беспокойство, он отвернулся от окна, уже готовый бежать вниз по ступенькам.

Время остановилось, задержало дыхание – и стремительно ринулось вперед. В голове мальчика гремел и грохотал конец света; его отшвырнуло на содрогающийся пол, вслед полетели, раскалываясь в воздухе, еще оставшиеся стекла.

Когда Эдвард открыл глаза – решил: он, должно быть, в раю.

Сел. Поморгал. Да нет, он все еще в комнате на втором этаже. Оказывается, и двигаться может. Все тело болело, однако, похоже, он ничего не сломал. Выдавил из себя слабый, хрипловатый смешок. Он жив.

Он выжил.

Мокрое лицо чесалось, жгло и щипало. Мальчик потер его – как наждак на ощупь, шершавое, исцарапанное. Отнял от лица руку, посмотрел. На руке – кровь. Лицо изрезало разлетевшимися осколками.

Бросился к жалким остаткам окна – закричать, порадовать мать, пускай за него не беспокоится.

Матери не было.

Была только груда развалин на месте, где только что стоял дом да высовывался зажатый между обломками воротник черного пальто.

Не в силах шелохнуться, Эдвард смотрел, начиная постигать смысл случившегося. Глаза наполнились слезами, слезы потекли по щекам, смешались с кровью.

Мамы больше нет. Умерла.

Изнутри поднималась волна горя – темного, бурлящего, ядовитого. Мальчик то кричал, то всхлипывал, то вновь кричал, в крике пытаясь выплеснуть в мир свое отчаяние. Кричал и кричал – так, словно не остановится уже никогда.

Свет надежды у них в глазах

Ева Паркинс отлично знала, что на свете есть немало вещей и пострашнее темноты. Но это вовсе не означало, что она обожает мрак.

Или что когда-нибудь научится его любить.

Станция метро постепенно становилась привычнее собственной спальни. Целый месяц – одно и то же. Каждую ночь она лежала, дрожа, на платформе, завернувшись в одеяло, бок о бок с совершенно незнакомыми людьми. Их фигуры на растресканном полу, у стены, облицованной фаянсовыми плитками, напоминали трупы, штабелями сложенные в мертвецкой. И каждый молился: пусть сегодня бомбардировщики люфтваффе промахнутся, пусть зенитным батареям противовоздушной обороны повезет, и каждый надеялся: а вдруг Королевским ВВС удалось удачно отбомбиться сегодня днем там, за Ла-Маншем, удалось сократить число немецких самолетов? Только бы никто не погиб, хотя бы – никто из них. И только бы наутро еще существовал их город.

Она окинула взглядом людские ряды. Подумала: должно быть, здесь, рядом с ней, на платформе собрались все живые. Молодые и старые, худые и толстые, разные прочие, и на всех лицах застыла одна и та же усталость и опустошенность.

Кто-то пытается петь – несколько строчек припева «Белых скал Дувра», – чтоб поддержать боевой дух. Очень скоро большинство голосов умолкает.

– Никогда не забуду – я их повстречал...

Одиноким голос продолжает и продолжает, становится сильнее, эхом отдается от холодных стен, разносится по тоннелю.

– ...Тех, кто нас защищал в небесах...

Другие присоединяются к поющему, голоса их крепнут, сияют звучать громче, но нет, они по-прежнему слабы и измучены.

– Пусть тьма царит, но я увидел свет надежды у них в глазах...

Голоса затихли. Больше никто не шелухнулся.

Снаружи, с неба люди слышали шум моторов. Что это значит – понимал каждый, и уверенность только подтверждал нарастающий гром орудий противовоздушной обороны, загрохотавших в ответ на рев в вышине.

Бомбардировщики вернулись.

Раздался новый, свистящий шум, не похожий на гул моторов. За ним – еще. И еще.

Люди затаили дыхание. Масляные фонари, развешанные по стенам, освещали трепещущие тела и застывший в глазах ужас.

А потом бомбы упали. Содрогнулись стены. С потолка посыпалась пыль и штукатурка. Люди задергались, повскакивали на ноги. Кто-то невольно вскрикнул, кто-то застонал – и смолк, пытаясь взять себя в руки. Не годится впадать в истерику на глазах у других.

Ева закрыла глаза, стараясь усилием воображения перенестись подальше отсюда. Куда-нибудь, где тепло, солнечно и безопасно.

Еще один взрыв. Еще один дождь из пыли и штукатурки.

Ева снова приоткрыла глаза. Нечего фантазировать. Она здесь, и бомбы никуда не денутся, желает она того или нет, – стало быть, надо принимать обстоятельства как есть.

Она принялась рассматривать лицо за лицом – и невольно зацепилась взглядом за маленького мальчика. Одет в пижаму, волосы торчат во все стороны, ручонки стискивают плюшевого медвежонка – прижимает к себе игрушку, будто его жизнь от нее зависит. Новый взрыв – полные ужаса глазенки блуждают, наполняясь грозными слезами.

У Евы внутри что-то оборвалось. Она подвинулась, села рядом с мальчиком. Улыбнулась. Улыбка у нее была теплая и ясная, сиявшая уверенностью – даже в едва рассеянном масляными фонарями мраке.

– Как его зовут? – Она кивнула в сторону медвежонка.

Мальчик уставился на нее, выговорил едва слышно:

– Мишка.

Голосок у него был такой же слабенький и жалкий, как и его игрушка.

– Ты за ним присматриваешь, да?

Малыш кивнул.

– Ну, тогда ты позаботишься о том, чтоб мишка не боялся?

На мгновение малыш призадумался. Посмотрел на медвежонка, потом – снова на Еву. И кивнул опять.

– Вот и славно, – сказала Ева. – Нам нужны храбрые мальчики, вроде тебя.

Улыбка, обращенная к мальчику, засияла еще ярче, и наконец он улыбнулся в ответ – утешенный, уверенный в собственной безопасности.

– Как у вас получается?

Женщина, стоявшая рядом у стены, зябко куталась в одеяло. Старше Евы на несколько лет, не больше, но тревога и бессилие в глазах заставляли ее выглядеть намного старше.

Чуть нахмурившись, Ева обернулась.

– Ночь за ночью этого кошмара, – вздохнула женщина, – а вы все еще способны улыбаться...

Перед тем как ответить, Ева бросила еще один быстрый взгляд в сторону тоннеля – темного, пустого, казавшегося бесконечным.

– А что поделать – приходится, верно? – ответила она, стараясь придать голосу сколь можно более бодрое звучание.

Женщина, судя по всему, ее уверенности не разделяла, – похоже, усталости и нервному напряжению предстояло доконать ее раньше бомб. Хмуро уставилась на Еву, явно не веря ни единому ее слову. Под этим взглядом улыбка Евы погасла – она отвернулась и в который раз принялась рассматривать тоннель.

* * *

Наступившее утро выдалось тусклым и серым, по-зимнему мрачным.

Отряхивая пыль с одежды, Ева выбралась из метро на улицу. Вот и еще одну ночь удалось пережить.

Она осмотрелась. Город выглядел даже более истерзанным и разрушенным, чем прошлым вечером. Везде – развалины разбомбленных магазинов, пабов и жилых домов. Из разбитой витрины свисает сломанный манекен, покачивается, словно повешенный грабитель. А от этажа над магазином и вовсе осталась лишь одна стена с чудом уцелевшим камином – ни самого этажа, ни крыши. Возле камина – буфет, дверца поскрипывает на ветру, позвякивают расписные фарфоровые тарелки на полках. Закачались. Упали. Разбились, смешавшись с прочим мусором. На мостовую медленно пикируют чьи-то семейные фотографии – ветром уносит счастливые, улыбающиеся детские лица, улетают увековеченные мгновения жизни, навеки теряются воспоминания.

Ева была жива. А вот город, казалось, умер.

Она посмотрела на часы – и торопливо побежала домой. Пора собираться. Все – она уезжает.

За городом безопаснее

Ева, лишь чуть-чуть запыхавшись, вошла, элегантно одетая и с чемоданом в руке, на вокзал Кингс-Кросс. Пора начать сначала, решила она твердо, и сегодня – самый что ни на есть подходящий день. Решено. Она уезжает из города. Отправляется куда-нибудь, где тихо и безопасно.

Стеклянный потолок вокзала запотел – пар, испускаемый паровозными трубами, плыл вверх над головами людей. Здесь само место, казалось, наполнилось суетой приездов и отъездов, грохотом поездов и голосами пассажиров. Еву окружали счастливые встречи и горькие расставания. Воздух вибрировал нервной энергией – надежда и отчаяние превращали банальные, повседневные прибытия и отбытия в жизненно важные события.

Стены станции были покрыты плакатами. Разные вариации на тему «Беспечная болтовня может стоить множества жизней» соседствовали со столь же разнообразными версиями «Трудись для победы», плотно сбитый, краснолицый, сердитый на вид мужичонка в костюме Джона Булля, стоявший во главе строя пехотинцев, грозно тыкал обвиняющим пальцем в каждого проходящего: «Кого не хватает? ТЕБЯ!»

Плакат заставил Еву еще сильнее сосредоточиться взглядом на солдатах. Молодые, со свежими, полными радостного оптимизма лицами, изнывавшие от нетерпения схлестнуться в бою с погаными фрицами, резко контрастировали с ранеными или калеками, возвращавшимися с фронта. Когда они проходили сквозь толпу в главном зале – головы отворачивались, опускались невольно глаза. Юные новобранцы не смотрели на возвращающихся прямо-таки демонстративно – игнорировали, словно боялись подцепить их невезение на манер инфекции, передающейся воздушно-капельным путем.

За спиной послышался тихий плач. Ева обернулась – и увидела мать с дочерью. Кто из них плакал сильнее, понять было непросто. Мать обнимала дочку, дочка цеплялась за нее – далеко не сразу преисполненным благих намерений родственникам удалось растащить их и увести девочку прочь. «Это для ее же блага, – расслышала Ева. – С нами она будет в безопасности». На память пришел вчерашний малыш на станции метро. Ева надеялась: кто-нибудь за ним присмотрит, проследит, чтобы ничего с ним не случилось. Эта мысль едва не заставила ее расплакаться.

«Матери, отсылайте детей из Лондона!» – увещевал рыдающую мать плакат. Там изображались мальчик в пижамке и девочка в ночнушке на фоне кирпичной стены – прижавшиеся друг к другу, испуганные и недоумевающие, глаза полны ужаса и потрясения. А рядом – другие брат с сестренкой, круглощечные, белокурые херувимчики на фоне буколического пейзажа. Мальчик с аккуратно расчесанными на косой пробор и тщательно приглаженными волосами защищающим жестом приобнимает маленькую девочку с полуулыбкой на губах. Оба выглядят радостными, уверенными в себе. Ниже объясняется и причина подобного благолепия: «Детям в провинции безопаснее – пусть там и остаются!»

Ева сильно надеялась, что это – правда, о да. Нет, а что ей еще оставалось?

Чтоб найти женщину, с которой ей необходимо было встретиться, много времени не понадобилось. Джин Хогг – десятью годами старше Евы, сталь во взоре и осанка, преисполненная твердости, – была директором школы, в которой Ева работала.

Джин окружала стайка детей, отчаянно напоминавших перепуганных ребятишек с первого плаката. Директриса только что обнаружила некий непорядок с пальто одного из ребят и наклонилась, чтобы поправить, одновременно отчитывая мальчишку за то, что даже пуговицы застегивать нормально не умеет, – тут-то и подошла к ней Ева.

– Доброе утро, директор, – сказала она с привычно натянутой улыбкой. Посмотрела на остальных, улыбнулась им еще ярче. – Доброе утро, дети.

– Доброе утро, мисс Паркинс, – хором ответили ученики, слова слились в привычную напевную музыку звонких голосов. Некоторые даже умудрились улыбнуться в ответ, и Ева ощутила, как по сердцу прошла теплая волна.

Джин выпрямилась, смерила ее неодобрительным взором. На мгновение Еве показалось: вот-вот директриса обнаружит, что и у нее пальто как-то неправильно застегнуто.

– Вы опоздали, – бросила Джин.

– Мою улицу вчера... сильно бомбили.

Судя по выражению лица, Джин не считала бомбежки достаточно веской причиной для непунктуальности, однако Ева смотрела не на нее, а на детей. Их было семеро, три девочки и четыре мальчика, младшему семь, старшему – одиннадцать. У каждого – свой чемоданчик, каждый держит небольшую картонную коробку с надписью «Противогаз». Дети из небогатых семей, из центральных городских районов, и ни с одним нет родителей.

– Может, поищем наш поезд? – предложила Ева.

– Мы ждем Эдварда. – Тон Джин явственно давал понять, что Эдвард, по мнению директрисы, входит в категорию еще более злостных растяп, нежели сама Ева.

– Я думала, его мать привезет, – удивилась Ева.

Стальной взор Джин смягчился – но лишь на секунду.

– Два дня назад в их дом попала бомба. Он теперь сирота. – Директриса отвернулась от Евы, прочесывая глазами главный зал. – А вот и он.

Ева проследила за взглядом начальницы, все еще пытаясь уложить в сознании услышанное. Эдвард – сирота. Эдвард!

Дети обернулись, уставившись во все глаза на приближающегося Эдварда, будто соревнуясь: кто рассмотрит его прежде других? Ева знала, дети – они такие. Для них все необычное, экстраординарное – прежде всего, интересное зрелище, особенно если к спектаклю прилагается несчастье или печальная утрата. Эдварду, хочет он того или нет, отныне предстояло быть местной знаменитостью.

Эдвард, которого вел за руку пожилой мужчина, медленно подходил к группе. В отличие от других, чемодана у него не было, свои пожитки он нес в заплатанной сумке. Многочисленные порезы на лице после взрыва начинали затягиваться, очки на мальчике были новые, но по лицу Ева четко поняла, насколько отвратительно для Эдварда сейчас оказаться в центре всеобщего внимания.

– Давай, Эдвард, мой хороший, – сказала Джин, явственно ожидая, что сила ее авторитета подействует автоматически, – нам на поезд надо поторапливаться.

Она протянула руку, но Эдвард и не подумал ни взять ее в свою, ни даже сделать шаг в сторону директрисы. Только прижался еще сильнее к мужчине рядом.

Ева подбежала к мальчику. Присела на корточки, чтоб лица их оказались на одной высоте.

– Эдвард, – заговорила, силясь поймать его взгляд, – мне так жаль...

Эдвард молчал.

Ева попробовала улыбнуться. Продолжила:

– Ты... ты теперь с нами поедешь. Далеко, подальше от всего этого.

Эдвард по-прежнему молчал – в конце концов ей пришлось подняться.

– С самого несчастья, как стряслось оно, слова не сказал, – объяснил мужчина. – Вы кто, учительница его будете?

– Да.

– А я – так, сосед. Присматривал за ним с тех пор, как... ну, вы, поди, поняли. – Он легонько потеревил руку мальчика. – Давай уж, Эдвард. Иди с этой славной дамочкой. Вот, молодец какой.

Он отпустил руку Эдварда.

– Сласти-то свои не забудь, – пробормотал он, неловко суя Эдварду в карман бумажный пакетик. Эдвард ответил молчанием.

Ева взяла его за руку, опять взглянула в глаза – тусклые и точно немые. Ничего не выражающие. Не за что в них было зацепиться.

Она повела Эдварда к остальным – пора было садиться на поезд и уезжать из Лондона. Пора снова оказаться в безопасности.

Прочь из Лондона

Совсем немного времени провели дети в поезде – и Ева заметила, что настроение их изменилось. Стоило руинам разбомбленного города уступить место маленьким городкам, а там и сельским просторам, дикость случившегося отступала в ребячьем сознании все дальше. Они ерзали на сиденьях, возбужденные и вздернутые. Они – далеко от Лондона, привычная жизнь осталась позади, а впереди – приключения в новом, незнакомом мире!

Ева видела: ребята ухитрились разделить в переполненном вагоне на две группки, мальчики отдельно, девочки – отдельно. Ева села с мальчиками. Старшим (и, если уж совсем честно, наименее любимым из всех для нее) был Том. Она понимала: учителю так думать попросту непедагогично, так вообще нельзя думать о детях, – понимать понимала, а поделаться с собой ничего не могла. Жила в парне некая явная внутренняя пакостность, и как ни пыталась Ева с ней бороться – безрезультатно. Если кто-то примется над кем-то издеваться, то забиякой окажется непременно Том – знала она из опыта.

Рядом с Томом – Элфи, толстенький, с ума сходявший по ВВС, клявшийся, будто умеет определить тип самолета не глядя, исключительно по звуку мотора, – увы, после многочисленных налетов бомбардировщиков на Лондон это перестало быть его уникальной способностью. Элфи и Том высовывались в окно, совершенно замороженные всем, что видели.

Напротив Тома с Элфи – Джеймс и Эдвард. Джеймс был лучшим другом Эдварда, но теперь, судя по всему, не мог сообразить, как реагировать на нынешнее состояние приятеля, – все посматривал да посматривал на онемевшего, раздавленного горем паренька, и на подвижном личике желание помочь заметно боролось с осознанием: ничем тут не поможешь. Эдвард, опустив голову, уперся взглядом в пакетик со сладостями на коленях.

С тремя девочками, скрывшись за номером «Дейли экспресс», сидела Джин. Девочки – авторитарная, напористая Джойс, ее верная спутница и прислужница Руби и Флора. Младший братишка Флоры, Фрейзер, вечно шмыгавший носом, словно постоянно был простужен, оказался в их компании. Предполагалось, что Флора должна за ним присматривать, однако в настоящий момент она свой долг явно не выполняла, – вместо брата не сводила взора с Эдварда. Ева знала: Флора к Эдварду всегда малость неровно дышала, но, судя по тому, как отчаянно девочка смотрела на него сейчас, дело зашло уже гораздо дальше.

Она покосилась на остальных ребят – так и есть, все уставились на Эдварда, зачарованные его молчанием, осознанием того, что он – вроде и рядом, а вроде и где-то очень далеко.

Джин отложила газету.

– Некрасиво так пялиться, дети.

Джойс, Руби, Флора и Фрейзер демонстративно отвернулись от Эдварда и замерли в неловком, многозначительно-изумленном молчании.

– Между собой можете разговаривать, – снизошла Джин, чуть понизив голос, однако не изменив официального тона, – только негромко.

Но разговаривать никто не собирался. При Джин? Ни в коем случае! Слишком важной фигурой казалась им директриса, чтоб совершить при ней нечто подобное.

Ева перевела внимание на мелькавшие за окном сельские пейзажи, яркие, будто в цветном кино, – особенно после монотонной унылости Лондона. Веки ее потихоньку смеживала дремота.

– Вы, должно быть, очень рано начали.

Она открыла глаза. Дети никуда не делись, Джин – тоже, но к ним присоединился кое-кто еще. Кто-то, кто занял в переполненном вагоне место прямо напротив нее.

Молод, очень хорош собой – вот первое, что заметила Ева. А еще – отменно элегантен и, судя по нашивкам на мундире военного летчика, – в чине капитана.

– Простите? – переспросила она.

Капитан указал в сторону ребят, и Ева просто не могла не обратить внимание на силу его руки, на мощную грацию движения.

– Ну, раз у вас их уже целых восемь, – пояснил незнакомец.

Ева рассмеялась – и ощутила, как прихлынула к щекам кровь.

– Да они не мои.

– Стало быть, вы их похитили? – Капитан усмехнулся в ответ, чуть вздернув бровь.

– Я учительница. – Ева внезапно ощутила, что в вагоне стало очень жарко.

– На экскурсию везете?

– Не совсем, к сожалению, – вздохнула Ева. – Их родители не смогли уехать из Лондона, а других родственников у них нет. Вот мы и вывозим их в большой дом в деревне.

Она пожала плечами.

– Сами по себе жить собираетесь? – Капитан помрачнел.

– Да нет, там и из других школ будут группы. – Ева подалась вперед, лицо ее приняло комически серьезное выражение. – А вообще, не знаю, может, вы слышали, война идет.

Капитан снова усмехнулся, намереваясь что-то ответить, но Ева уже выключилась из беседы.

– Ты где это взял? – резко спросила она Тома, за обе щеки уплетавшего лакричные палочки.

– Мне Джеймс дал, – прочавкал Том с набитым ртом.

Ева смерила Джеймса грозным взглядом:

– Джеймс! Ты прекрасно знаешь – это сладости Эдварда!

– Да ведь он их и не ест вовсе, – пробормотал Джеймс, надо признать, без особой убежденности.

Ева сохраняла спокойствие. Очевидно, Том отнял сладости и силой заставил Джеймса взять вину на себя. Она знала – Джеймс мальчик благовоспитанный, не чета Тому.

– Немедленно верни, – приказала она, – и извинись перед Эдвардом.

– Да, мисс, – кивнул Джеймс. Взял из рук у Тома пакетик сладостей и протянул Эдварду.

Посмотрел ему в глаза:

– Извини, пожалуйста.

Эдвард не ответил. Даже не шелохнулся, когда приятель положил ему на колени пакетик.

– А куда вы, собственно, направляетесь?

Снова летчик-капитан. Голос отвлек Еву от наблюдений за мальчиками, и она вновь обернулась к нему. Привычно надела улыбку.

– Вы меня допрашиваете?

Летчик улыбнулся в ответ, глаза его сияли.

– Очень даже возможно.

Улыбка Евы сверкнула ярче.

– В таком случае я имею право знать ваше имя и звание.

– Капитан Берстоу, – отрапортовал летчик, и Еве даже показалось, будто он вот-вот отдаст ей честь. – Но вы можете звать меня Гарри.

– Ева, – представилась она. – Но вы можете звать меня просто мисс Паркинс.

На сей раз Гарри и впрямь отдал-таки честь.

– Приятно познакомиться, мисс Паркинс. Позволено ли мне будет спросить, куда вы держите путь?

– Позволено, – снизошла она милостиво. – Мы держим путь в Кризин-Гиффорд.

Бровь его взлетела вновь – теперь уже не в наигранном удивлении.

– Правда? И я туда же.

– А что вы собираетесь там делать?

– Я бомбардировщик, – пояснил он будто бы невзначай, отлично понимая, какое впечатление произведут на нее эти слова.

Ева раскатилась звонким смехом:

– Да все вы так говорите!

– Ну, – повел он плечом, – кому-то ведь и впрямь надо летать на самолетах.

Голос его изменился, стал серьезным, даже чуть печальным.

Ева, ощутив в простых словах тень застарелой боли, взглянула на попутчика пристальнее. Да, в его манере держаться таилась сила, да, даже в его спокойствии и собранности она чувствовала неуловимый вызов. Но в глазах промелькнуло что-то совсем другое, именно промелькнуло на секунду, пока он ей отвечал, а после исчезло. Его вызывающие манеры были порождены не столько войной в мире внешнем, сколько борьбой с самим собой в мире внутреннем. Она ощутила эту внутреннюю борьбу и узнала ее.

Летчик отвернулся. Закурил сигарету.

– Вы... простите меня, – пролепетала Ева. – Я не хотела, я не думала...

Летчик снова смотрел на нее – лицо его скрывал сигаретный дым.

– Это совершенно секретная информация, так что не вздумайте никому ее раскрывать. – Гарри наклонился вперед, дым рассеялся, в глазах у него заплясали чертики. – В противном случае мне придется вас расстрелять.

– Не беспокойтесь, – заверила Ева, – мне вы можете доверять.

И улыбнулась ему еще – той улыбкой, что, смела она надеяться, способна многое исправить.

Эдвард

Эдварду было страшно. Он стоял на перроне железнодорожной станции провинциального городка – все незнакомое, рядом – никого из тех, кого бы он знал.

В душе нарастала паника. Вокруг – сплошные взрослые, спешат, толкаются, задевают его шерстяными пальто, пихают чемоданами. Его бросало туда и сюда – точь-в-точь осенний листок на ветру.

Он потерялся. Он – один.

Эдвард закрыл глаза в попытке заставить окружающий мир исчезнуть, надеясь хоть на сей раз не увидеть то, что виделось ему всегда, стоило только сомкнуть веки.

Улыбку матери. Ее лицо. Голос, зовущий его.

А потом – воротник маминого черного пальто, торчащий из щели в груди развалин.

Он открыл глаза, обиженно, изумленно, – мир никуда не делся, а сам он так и стоял на месте. Все так же суетились вокруг люди, не замечавшие его, не обращающие на него внимания.

А потом он увидел руку. Женскую.

Мягкую, дружелюбную, готовую прийти на помощь. Сердце забилося быстрее, в ушах зашумела кровь. Мама! Она нашла его, она, оказывается, вовсе и не умерла! Он ведь только пальто ее тогда увидел, ничего больше. А мама сняла пальто, мама выжила, и теперь она здесь. Пришла за ним.

Эдвард моргнул, и его накрыло волной отчаяния – нет, это вовсе не его мама. Нельзя плакать, приказал он себе, нельзя, парни не плачут. Парни должны быть сильными.

Парни должны защищать своих матерей.

Мама!

Нет, нет – не мама. Перед ним стояла улыбающаяся мисс Паркинс. Мисс Паркинс ему нравилась. С ней он чувствовал себя в безопасности. Она его не бросила, не покинула. Она пришла и нашла его.

Он подбежал, вцепился в протянутую руку, прижался. От мисс Паркинс пахло цветами. От нее замечательно пахло – ароматом безопасности.

– Ох, Эдвард, – сказала она, – наконец-то я тебя нашла. Ты отошел в сторону и пропал...

Наклонившись, она погладила его по голове. Он подумал – не закрыть ли глаза? – но решил, что не стоит.

Мисс Паркинс повела его к остальным ребятам, ожидавшим на перроне. Капитан-летчик объяснил: поезд, на который им надо пересест, задерживается примерно на пару часов, и директриса взглянула на него так, будто это – его собственная вина.

Дети вокруг шумели и спорили. Флора чего-то требовала, мисс Паркинс, убедившись, что с Эдвардом все в порядке, выпустила его руку и заторопилась к ней, узнать, в чем дело.

Эдвард смотрел на землю. Там была замерзшая лужа с большой трещиной посередине. В луже отражалось темнеющее небо и плывущие по небу тучи.

Он подумал о матери и снова ощутил свое одиночество.

В пути

Дети устали. Их прежняя бурная энергия сошла на нет, и когда в перерывах между приступами зевоты они выглядывали в окна поезда, то видели лишь ночь, куда более темную, чем привычная городская. Можно было без труда прочитать их мысли по лицам – Ева понимала: они уже скучают по своим родным, по дому. Путешествие их пугало, нарастало беспокойство насчет того, где они окажутся в конце пути. Происходящее все меньше напоминало приключение.

Ева не удивлялась. Поезд, на который им все же удалось попасть, оказался куда более старым и безобразным, чем тот, на котором они ехали от Кингс-Кросс. Вместо мягких откидных сидений – деревянные скамейки, окошки потемнели от масла и копоти, вагон скрипел и дребезжал, да и сквозило там изрядно. Что еще хуже, в соответствии с правилами светомаскировки путешествовать приходилось сквозь крошечный мрак.

Ева окинула взглядом вагон. Лунный свет придавал человеческим лицам призрачную бледность. Рядом с ней, тесно прижавшись всем телом, сидел Эдвард. С тех пор как мальчик потерялся на платформе, он и на шаг от нее не отходил. Напротив них расположился капитан ВВС Гарри Берстоу. В другом конце вагона Еве удалось рассмотреть еще одну пассажирку.

Медсестру.

Медсестра медленно повернула голову, взглянула – и Ева тихо вскрикнула. Глаза и щеки женщины казались темными провалами, кожа – настолько бесцветная, что больше походила на череп. Ева ощутила: изнутри поднимается страх, внезапный и острый, рука ее непроизвольно метнулась к горлу, сжала медальон с изображением херувима, висевший на цепочке.

Сердце Евы билось о ребра, перехватывало дыхание – она закрыла глаза и увидела: к жизни возрождаются призраки прошлого. Плывут, плывут перед мысленным взором, словно черно-белые изображения из старого киножурнала. И сама она тоже оказалась среди них. Черно-белое, черно-белое... и еще красное. Много, много красного.

Боль. Сколько боли, и вся – разная.

Нет, нет...

Ева отчаянно зажмурилась и усилием воли прогнала воспоминания.

Когда она заставила себя снова открыть глаза, медсестра смотрела в окно. Ева разжала руку, медальон на цепочке опустился ей на грудь.

– С вами все в порядке? – Гарри подался вперед, лицо у него было обеспокоенным. – У вас как будто... приступ какой-то случился.

– Спасибо, со мной все хорошо. – Ева глубоко вздохнула. Потом еще и еще.

Капитан по-прежнему не сводил с нее взгляда.

– Пожалуйста, вы не могли бы прекратить? – взмолилась она, чувствуя, как невольно теплеет внутри, невзирая на холод в вагоне.

– Что прекратить? – Он сдвинул брови.

Ева мучительно сглотнула.

– Прекратить смотреть на меня.

Летчик негромко рассмеялся, возвел глаза к небу, словно призывая в свидетели лунный свет.

– Да мне вас почти и не разглядеть!

– Ну, в таком случае, – Ева подыскивала подходящие слова для ответа, – перестаньте пытаться.

С большим трудом, но снова нацепить улыбку ей все же удалось.

– Я просто размышлял. – Он снова легонько вздернул бровь.

– И о чем же вы размышляли?

– О том, что вы прячете за вашей улыбкой.

Ева дернулась – сознание обожгло памятью о случившемся несколько мгновений назад.

– Это мое рабочее выражение лица, – ответила она, сиюсь говорить тоном, соответствующим улыбающимся губам.

Гарри, кажется, немного опечалился:

– Выходит, по-настоящему вы вовсе мне не улыбаетесь?

Ева открыла было рот, но так и не додумалась, что ему сказать, чтобы не обидеть еще сильнее. Истина заключалась в том, что капитан ей нравился. Нравились лучики морщинок, возникавшие в уголках его глаз, когда он улыбался. Нравилось, как он, полагая, что она не замечает, время от времени приглаживает волнистые светлые волосы. Не нравилось ей лишь то, как активно он ей интересуется, да еще неприятно было, что она позволила ему увидеть в своем лице выражение ужасной боли и страха. Никогда она больше этого не допустит, ни за что, ни разу!

Берстоу закурил очередную сигарету, краешком глаза Ева заметила, как Джин выразительно закатила глаза и покачала головой. Не обращая внимания ни на нее, ни на капитана, она перевела взгляд на Эдварда. Флора улыбалась ему со своего места через проход – он не ответил, и тогда девочка ему помахала. Эдвард вновь не отреагировал – не улыбнулся, не шелохнулся. Просто упорно, без выражения смотрел на нее.

Место, где они вышли, походило больше на скелет станции, обглоданный дочиста и брошенный за ненадобностью. Кирпичные здания почернели от сажи, черепицы на крышах не хватало, стекла были выбиты, деревянные рамы полусгнили. В окнах свистел ледяной ветер, высоко и пронзительно, будто некая гигантская флейта. Неприглядные, не в лад ноты неприятной музыки.

Дым из паровозных труб рассеялся, смешался с ночным туманом. Чтобы согреться, Ева, Гарри, Джин и дети сбились на перроне в тесную кучку, однако в их направлении уже медленно двигался, прихрамывая, человек, чей силуэт едва выхватывал из тьмы масляный фонарь, зажатый у незнакомца в руке.

Дети отшатнулись от подхотившей фигуры, кто-то ахнул, кто-то пискнул. Джин – и та явно напряглась.

Из тумана к ним выплыло лицо.

– Мисс Хогг, я полагаю? – спросил человек с фонарем.

Джин встряхнулась, выступила вперед. Если она и испытала некий страх поначалу, то теперь он исчез без следа.

– Миссис Хогг, – поправила она четко, с колоссальным достоинством в голосе.

Незнакомец, коротко хохотнув, склонил голову.

– Простите великодушно. Доктор Джим Родс, местный представитель Министерства образования.

Вблизи он уже не казался пугающим и выглядел на самом деле безобидней некуда. Дети, не уловив ни тени угрозы и видя, как уверенно разбирается с ситуацией их директриса, более или менее расслабились.

Ева ощутила, как на плечо ее легла чья-то рука. Обернулась – Гарри жестом указал в направлении ведущей прочь от станции дороги, кивнул:

– Приятно было познакомиться, мисс Паркинс. Я... непременно выберусь вас навестить, как только смогу.

Голос его прозвучал официально, однако вполне дружелюбно, впрочем, Еве показалось, будто он хотел, но не добавил что-то еще.

– Пожалуйста, – начала она, – зовите меня Е...

Джин смерила молодую учительницу острым взглядом:

– Нам пора. Мы вот-вот на автобус опоздаем.

Ева покорно поплелась за ней следом по платформе, обернулась – но поздно: Гарри уже ушел. «Всего лишь очередное случайное знакомство», – промелькнуло у нее в голове.

Автобус оказался еще древнее поезда. Он кое-как тащился от станции с выключенными фарами по плоской проселочной дороге. Луну и звезды затянуло тучами, словно на деревенский пейзаж накинули гигантское армейское одеяло. Вел автобус Джим Родс, рядом с ним уселся Фрейзер, младший братишка Флоры. Он, между прочим, единственный не испугался, когда доктор Родс надвигался на них из тумана. Любопытно было – да, но ни капельки не страшно.

– А почему вы хромаете? – светски поинтересовался Фрейзер, шмыгнул носом и утерся рукавом.

Ева немедленно метнулась к ним, ухватила мальчишку за руку:

– Фрейзер!..

– Ничего, все нормально, – доктор Родс, улыбаясь, покосился на Фрейзера, стараясь не упустить из поля зрения дорогу. – Это мне еще с прошлой войны досталось. Слишком близко снаряд разорвался. Мне еще повезло.

И снова принялся смотреть вперед.

Ева вернулась на свое место и стала глядеть в окно. Постепенно глаза привыкли к темноте – она могла различить уже разные оттенки черного и серого. Вот и приехали в деревню, – догадалась, не без труда пытаясь рассмотреть впереди насквозь продуваемые ветром улицы, мощенные булыжником, и сложенные из камня коттеджи. Всмотрелась еще напряженнее. Что-то не так. Чего-то не хватает. Чего же?

Почему в деревне нет людей?

Ева обернулась – Джойс тянула ее за рукав.

– А где все, мисс?

Девочка таращила глаза, изумленно и недоверчиво склонив голову к плечу. «Ну да, – подумала Ева, – взрослые ведь знают ответы на все вопросы. Взрослые – они все знают». Подумала – и вздохнула.

– Может, – Ева бросила в окно новый взгляд, – из деревни всех эвакуировали? Из-за войны?

Джойс, похоже, подобным ответом не удовлетворилась.

– Деревня заброшена много лет назад, – сказал Джим Родс. – Скорее всего, дела пошли скверно и жители разорились.

– А может... а может, – Фрейзер возбужденно запрыгал на сиденье, – чума пришла, и все заболели, вот!

Дети восторжничали, ожили и, заинтересовавшись увиденным, готовились высказывать собственные теории. Ева, прекрасно понимая, чем все кончится, уже открыла рот, дабы их успокоить, однако Джин ее опередила:

– Довольно. До конца поездки – никаких больше вопросов.

Дети немедленно смолкли. Кризис удалось преодолеть. Выражение лица Джин красноречиво свидетельствовало: в происшедшем виновата Ева, нечего было поощрять болтовню. Ева гордо проигнорировала неодобрение начальницы.

Эдвард, по-прежнему прижимавшийся к ней, словно кожей ощутил сгустившуюся атмосферу, прильнул теснее – и тут раздался громкий хлопок.

Автобус закачало из стороны в сторону. Дети заверещали, вцепившись в сиденья.

– Черт подери! – Джим Родс остановил автобус. Вскочил. Высунулся из окна.

– У нас колесо спустило, – сообщил он мрачно.

Автобус накренился набок. Ева тоже выглянула – на месте одной из шин красовалось нечто сильно напоминавшее огромного мертвого моллюска.

– Мы тут застряли! – заявил Фрейзер.

Сразу и не сказать было, то ли он до ужаса напуган, то ли, напротив, в полном восторге.

Деревня-призрак

Дети поплотнее закутались в пальто, потуже затянули шарфы. Выбрались из автобуса, сбились в стайку, молчали, стуча зубами, засунув руки в карманы. Ева заметила – Флора крепко прижимает к себе Фрейзера. «Ночь и впрямь выдалась на редкость морозная, – подумалось ей, – да только вряд ли их всех тут только от холода трясет».

В деревне стояла жуткая, зловещая тишина. Никого. Пусто. Пустота эта ничем не напоминала Лондон после бомбежек – там, что бы ни происходило, людей как раз хватало, – они пытались заново собрать разбитую в осколки жизнь, бродили, куда-то торопились вместе. А здесь – наоборот: дома целы, а люди из них ушли. Казалось, они попали в деревню-призрак.

– Все старайтесь держаться поближе ко...

Ева обернулась. Приказ, который Джин отдала детям, оказался совершенно бессмысленным – никто и без того даже не шелохнулся. Позади Джим Родс пнул шину, выругался снова, на сей раз шепотом, и поплелся к концу автобуса.

– Запасную нашел в багажнике! – провозгласил он торжествующе.

Джин шагнула в его направлении:

– Я помогу.

От неожиданности Джим Родс остановился и уставился на нее во все глаза:

– Вы?

– Я в свое время не так уж мало шин поменяла, – глаза Джин лукаво блеснули, уголки губ приподнялись, – она почти что улыбалась, и Джим Родс улыбнулся в ответ.

С некоторым возбуждением директриса оглянулась на Эдварда, по-прежнему цеплявшегося за пальто Евы.

– Эдвард, а почему бы тебе нам не помочь?

Эдвард только теснее прильнул к Еве.

Не намеренная сдаваться, Джин протянула руку:

– Ну, давай. Я научу тебя шины менять.

Мальчик замотал головой, судорожно ухватился за учительницу.

– Я не думаю, что он... – нерешительно начала Ева и замолкла.

Джин подошла к Эдварду, схватила его за руку и оторвала от нее.

– Он не может все время на вас виснуть, – отрезала она и силком потащила перепуганного мальчугана за собой. – Присмотрите за остальными, пожалуйста.

Ева, озабоченная и сама несколько напуганная, подошла к стене автобуса, у которой столпились ребята. Они по-прежнему не двигались и смотрели в направлении поля по ту сторону дороги, вытаращив глаза от страха и изумления. Дивясь, что могло вызвать подобное замешательство, Ева заторопилась к ним. Ребятишек с любопытством разглядывала овца.

– Я никогда раньше овец не видел. – Тон у Элфи был потрясенный.

Фрейзер наморщил лоб:

– А чего она на нас пялится?

Флора зажмурилась:

– Пусть она перестанет, пусть перестанет!..

Уперев руки в бока, Джойс, видимо решившая принять в отсутствие Джин ответственность на себя, грозно обернулась к Еве.

– Мисс, она малышкой пугает.

Судя по голосу девочки, она предлагала приступить к неким активным действиям.

– Да это всего лишь овца, – улынулась Ева, – она никого не обидит. – И отвернулась от детей и животного. Внимание ее сосредоточилось на деревне, выступавшей из холодного тумана, подобно навечно пришвартованной к берегу «Марии Селесте»¹.

А потом она что-то услышала. Какой-то слабый, но вполне явственный звук. Это было... что это было? Голоса? Да. Кто-то пел, и пение доносилось из деревни.

Перед ней стояли пустые коттеджи, старые, с прохудившимися крышами, заплесневелые стены оплетали ветви плюща. Один из коттеджей, заметила она, вовсе сгорел дотла, однако никто не попытался ни разобрать развалины, ни отремонтировать дом. С передней стены свисала сломанная металлическая табличка:

«Мистер Горацио Джером, эсквайр, адвокат».

Ева с легкостью прочла надпись в лунном свете. Не оттуда ли шло пение?

Прислушалась – да, похоже, именно оттуда.

Снова всмотрелась в руины сгоревшего коттеджа. И что-то почувствовала – некую странную тягу, нечто... нет, этого она не могла бы объяснить и самой себе. Очарование? Притяжение?

Они вернулись, они зазвучали снова – поющие голоса. Детские голоса.

Ева покосилась в сторону автобуса – дети все еще стояли там. Никто из них и не думал петь, а большинство пытались потрогать или погладить подошедшую овцу. Джин и Джим Родс были полностью поглощены процессом смены шины, Эдвард наблюдал за ними, – голосов, похоже, не слышал никто.

Ева опять всмотрелась в сгоревший коттедж. В деревню, застывшую в тумане. И пошла туда.

Очень скоро ее каблуки застучали по булыжной мостовой, и она оказалась перед обугленными останками коттеджа. От фасада практически ничего не осталось, два окна наверху и дыра на месте двери внизу делали его похожим на искаженное криком лицо. Ева передернулась. Прислушалась.

Дети вновь запели, – слова песни уносил ветер, толком и не разобрать, голоса то приближались, то удалялись, однако кое-что различить ей все же удалось. Не то колыбельная, не то считалочка:

– Как у Дженет Хамфри сынишка помирал...

Ева шла и шла – и голоса становились громче, слова песенки – четче, явственнее:

– В воскресенье помер, в понедельник встал!

Ева вышла на рыночную площадь. Замерла.

– А кто помрет за ним? Наверно, это ТЫ!..

Голоса смолкли, лишь последнее слово эхом металось меж пустыми каменными зданиями. Ева напряженно осматривалась, надеясь услышать топот бегущих ног. Возможно, даже смешки несущихся вприпрыжку детей. Ничего. Никого. Она была одна в пустынном месте.

А потом она услышала что-то еще. Звук, доносившийся из одного из домов.

Ева обернулась в направлении звука. На сей раз – никаких голосов, никакого пения. Просто кто-то шевелился.

– Эй, кто там?! – крикнула она. Медленно, неуверенно подошла к полуразрушенному коттеджу и заглянула внутрь.

Хотя окно потускнело от накопившейся за многие годы пыли, ей все же удалось рассмотреть маленькую гостиную. Стены потемнели от сырости, небогатая утварь запылилась. Каза-

¹ «Мария Селеста» – судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара кораблем «Деи Грация». Классический пример корабляпризрака. – *Примеч. пер.*

лось, обитатели покинули коттедж в ужасной спешке. По спине Евы вновь пробежала дрожь, и не только от холода. А потом прямо перед ней возникло чье-то лицо.

И она закричала.

Старик

Ева в ужасе отшатнулась, потеряла равновесие и упала на булыжную мостовую. Когда она подняла голову, лицо исчезло. С трудом, нетвердо она встала на ноги – на сей раз ошибиться было невозможно: за окном угадывалась фигура старика. Воздев руки в воздух, он стонал и всхлипывал.

– Простите, – пролепетала Ева в сторону окна.

– Уходите! – Старик принялся раскачиваться из стороны в сторону.

– Я не хотела вас напугать.

Отстраняющим жестом старик вытянул руку в ее направлении:

– Уходите, бегите. Убирайтесь! Пока вы еще ее не увидели...

Кажется, он говорил что-то еще, однако слова перешли в неразличимое бормотание.

– Я вас не обижу.

Старик зашевелился.

– Пожалуйста, – настаивала Ева.

Он выпрямился, прильнув к стеклу, и Еву передернуло. На нее незряче уставились расширенные, мутно-белесые зрачки – словно две маленьких полных луны на морщинистом лице. Старик был слеп.

– Простите, если я испугала вас. – У Евы по спине ползли мурашки.

Старик, казалось, еле слышно повторил ее слова себе под нос. Склонив голову набок, заметил:

– У вас печальный голос.

– Но мне... мне вовсе не грустно, – слегка растерялась Ева.

– Грустно. Вы очень похожи на нее, – голос старика стал громче, он торопливо и резко указал рукой на кого-то незримого для них обоих.

– На кого? – удивилась Ева. – На кого я похожа?

– Уходите! – Он с маху ударил кулаком в грязное, запыленное окно. Стекло треснуло и раскололось.

– Уходите! – Ноги у старика подкосились, он медленно сполз на пол, сжался в комок. Закрыв лицо руками и зарыдал.

Ева неуверенно покосилась на автобус, потом снова – на плачущего. Как поступить, она понятия не имела. Старик точно перестал воспринимать окружающий мир, лишь повторял еще и еще одно и то же:

– Уходите, уходите...

Затаив дыхание и с трудом сдерживая слезы, Ева что было сил побежала к автобусу.

Дорога Девять жизней

– Смотрите, мисс, смотрите! Это ж бомбардировщик «ланкастер»! А там – «галифакс»! И «спитфайр»! И вон еще, вон!.. – Элфи возбужденно теребил Еву. – Можно нам пойти посмотреть, мисс? Ну пожалуйста!

– Сядь на место, Элфи, – приказала Джин раньше, чем Ева рот успела раскрыть.

С видом человека, оскорбленного до глубины души, парнишка подчинился. Сквозь запыленное стекло автобуса Ева скользила взглядом по взволновавшим его силуэтам самолетов, по сверкающим красным огням, – смотрела и не видела. Перед мысленным взором вставляли не самолеты, а пилот. Красавец капитан в форме ВВС. Вспоминались его шутки, его озорная усмешка. То, как чувствовала она себя рядом с ним. Ева молчала – и улыбалась...

Туман стал гуще, кружился и клубился, двигался почти как живое существо. Всего за несколько секунд он полностью окутал автобус.

Джим Родс не сводил глаз с узенькой полоски дороги впереди.

– На дороге Девять жизней. – Он всмотрелся в туман еще пристальнее. – Не беспокойтесь, просто море волнуется. Я к этому привык.

За шумом мотора Еве удалось различить еще какой-то звук, будто еле слышный шепот или еле заметное шевеление.

– Что это? – напряглась она. – Вы тоже слышите?

– Слышу что? – рассеянно переспросил Джим Родс.

– Ну, словно бы... не знаю, кружится что-то. Шелестит. Ползет.

– Угри, должно быть, – пожал плечами Джим Родс. – Они в воде живут.

Ева похолодела от страха – угрей она на дух не выносила. Джим глянул на выражение ее лица – и рассмеялся коротким, хриплым, лающим смешком:

– А может, просто шины на скользкой дороге хлюпают. Сами выбирайте, что вам больше нравится.

– Может, стоило бы включить фары? – предположила Джин, и Ева заметила в ее голосе нотки тщательно и решительно подавляемой тревоги.

– К сожалению, не имею права, – ответил Родс. – Здесь тоже действует закон о светомаскировке.

– Да... но, – Джин напряженно всматривалась в окно, не в силах оторвать взгляда от мокрого, удушливо густого тумана, – а что, если мы в кювет угодим?

– А что, если под бомбы германские попадем?

Воцарилось тягостное молчание – у каждого хватало собственных поводов для беспокойства.

Ева взглянула на Эдварда – мальчик сидел в конце автобуса, рядом с Флорой, и девочка держала его за руку.

Внимание ее вновь обратилось вовне, в мир за окном, – автобус проезжал мимо смутно различимого креста, торчащего из мокрой грязи. Ева собиралась было поинтересоваться у Джима, что это и зачем, однако вопрос начисто вылетел у нее из головы, – перед ними возник из тумана силуэт огромного старинного особняка.

Родс вздохнул с облегчением:

– Добро пожаловать в особняк Ил-Марш.

Особняк Ил-Марш

«Запущенный» и «заброшенный» – вот два слова, пришедших на ум Еве, рассматривавшей особняк Ил-Марш. Он стоял, значительный и величавый, подобно древнему монолиту или памятнику давно прошедших эпох, окутанный сыростью и туманом, точь-в-точь последний, еще не сваленный временем могильный камень на забытом, разрушенном кладбище.

Ева невольно шагнула назад и споткнулась о толстый черный провод.

– Осторожнее, – подхватив ее, Джим Родс кивнул в сторону провода, – там за углом флигель, мы в нем электрогенератор установили.

Джин бродила туда-сюда, пытаясь поближе познакомиться с новым пейзажем.

– Взгляните-ка, – указала она куда-то поодаль и обернулась к Джиму, – колючая проволока. Это что же, тоже необходимо?

– Я тут ни при чем, – Родс равнодушно пожал плечами, – проволоку натянули местные силы самообороны.

– Очевидно, чтоб к нам немцы не прорвались?

С тяжелым вздохом Джим повел детей в направлении дома, будто пастух стадо. Ева, смерив мрачным взором колючую проволоку, последовала за ними.

Внутри дом выглядел ничуть не лучше, чем снаружи, – если честно, он выглядел даже хуже. Никто не жил в нем десятилетиями, возможно, он был необитаем с прошлого века, – и особняк полностью сдался запустению. Краска на деревянных балках и панелях облупилась и растрескалась, обои свисали со стен изорванными клочьями. Тут и там висели керосиновые лампы – заржавелые, опутанные паутиной, ненужные. И везде – черные пятна плесени, словно темнота извне пытается прорваться в дом. На ощупь стены казались мокрыми, холод стоял чудовищный, сквозняк и сырость щекотали и пощипывали кожу Евы. Она сразу поняла: нет, в этом месте ей не согреться никогда.

По всему дому тянулись толстые черные провода, вроде того, на который она наткнулась во дворе. Змеями они вились по стенам, тянулись к запыленным лампочкам, которые осветили дом тусклым мигающим светом, когда Джим Родс щелкнул выключателем.

Стоя у большой центральной лестницы, Ева и Джин осматривались. Обе словно лишились дара речи. Джим, принявший их ужас за потрясение, удовлетворенно кивнул:

– Да, большой дом, верно?

Ни Джин, ни Ева не отвечали. Детишки, сгрудившиеся у них за спиной, тоже шарили глазами окрест.

Джим прохромал к старинным двустворчатым дубовым дверям и попытался их отворить, что вышло у него далеко не с первого раза – дерево настолько разбухло от сырости и растрескалось. В комнате друг напротив друга застыли два ряда застланных кроватей с железными рамами. Занятых среди них не наблюдалось.

– Здесь будут жить дети, – объяснил он.

Джин смерила взглядом холл, заглянула в детский дортуар и вновь обернулась к Джиму:

– Так, а где остальные?

– Какие остальные? – озадачился Родс.

На лице Джин застыло раздражение.

– Остальные. Группы из других школ.

– А, – расслабился Джим, – остальные только на следующей неделе должны подъехать. Вы – первые.

Судя по его улыбке, в их раннем приезде было что-то от приятной неожиданности.

– И вы всерьез рассчитываете, что мы намерены жить в подобных условиях?

Извиняющимся жестом Родс пожал плечами:

– Ну, понимаете ли, это...

– Руины, вот это что такое, доктор Родс! – отрезала Джин.

Она стремительно придвинулась к нему почти вплотную, понизив голос до полупшепота, – ох и скверный признак, знала по опыту Ева...

– Мой супруг, бригадный генерал британской армии, солдат своих не позволил бы поселить в таком сарае, не говоря уж об эвакуированных детях!

Родс выставил вперед руки, то ли утихомирить ее пытаясь, то ли признавая свое поражение, – Ева не поняла:

– Разделяю ваше возмущение, однако... здесь просто давно никто не жил, и я гарантирую – как только дом снова наполнится людьми, он буквально... оживет, да-да, возродится к жизни.

Он судорожно закивал, словно себя самого силясь уверить в правоте этих слов.

На Джин его речь совершенно не произвела впечатления:

– Дом нам не подходит, доктор Родс.

В голосе Джима впервые зазвенела сталь.

– Простите, но другого у нас нет, миссис Хогг.

Ева заметила – дети, собравшись вокруг, с интересом наблюдают за разгорающейся ссорой взрослых. Обернулась к ним, привычно нацепила улыбку.

– Пойдемте, ребятки, давайте вещи распаковывать.

Том не шелохнулся.

– Осмотреться-то хоть можно?

Улыбка Евы сидела плотно, словно приклеенная.

– Можно, но сначала разберем вещи.

– Да ведь...

– Мисс, а где другие дети? – В голосе Джойс прозвенела неподдельная тревога.

Ева неуверенно открыла рот, собираясь ответить, однако Джин, в который уже раз, ее опередила:

– Довольно болтовни.

Дети послушно смолкли.

– Ева, пусть доктор Родс объяснит вам, что и где находится в доме. Я сама разберусь с ребятами.

– Да, директор. – Ева, притом далеко не впервые, почувствовала себя не учительницей, а обычной ученицей – у Джин прямо дар был вызывать в ней это ощущение. Ситуация раздражала Еву невероятно, но выхода не было – слишком хорошо она представляла реакцию Джин на дерзновенную попытку протеста.

Ева и Джим Родс воровато переглянулись и отправились на экскурсию по дому.

В детской

– А вот там у нас кухня, – Джим Родс указал на дверь слева, – а позади нас столовая. Ева склонила голову, запоминая информацию.

Джим внезапно остановился, пытаясь посмотреть ей прямо в лицо, и смущенно отвел глаза.

– Простите, – вздохнул, – мне... в самом деле очень жаль, что вас никто не предупредил, в каком месте предстоит жить.

– Да ничего, доктор, все в порядке, – ответила Ева мягко, – я прекрасно понимаю, гонца за дурные вести не казнят.

Джим слабо улыбнулся, уныло покосившись в направлении холла.

– Спасибо. Хотел бы я и в других встретить подобное понимание.

– Миссис Хогг относится к своей ответственности весьма серьезно. Она осознает свой долг по отношению к детям и полагает, будто действовать в их интересах следует бурей и натиском. А намерения у нее – самые благородные.

– Да, можно взглянуть на ситуацию и с этой стороны.

– По-вашему, есть и другая?

– Конечно. Люди вроде миссис Хогг запирают свои чувства и эмоции на семь замков, а называют это «вести себя рационально». Это все война, это она такое с ними делает. Что ж, тоже способ выдержать, в общем.

– А вы откуда знаете?

Джим Родс поморщился.

– Навидался на прошлой войне. Слишком много парней вели себя именно так, – да, боюсь, домой из них вернулись немногие. И намерения у них тоже были самые благие.

Он помолчал.

– Может, теперь наверх?

Ева взглянула на лестницу. Старинная и основательная, она казалась весьма крепкой, однако молодая женщина невольно обеспокоилась, как обстоят дела в реальности.

– Наверху – комнаты, которые мы приготовили для вас и миссис Хогг, – объяснил Джим. – Остальными займемся, когда подъедут прочие.

Джим кивком пригласил ее подняться, и Ева пошла, невольно прислушиваясь к звуку прихрамывающих шагов за спиной, к треску и постаныванию ступенек при каждом их с Родсом движении.

– А в какой области у вас докторская степень, если не секрет?

Наверху лестница расширялась настолько, что Джиму без труда удавалось идти с ней бок о бок.

– Я врач.

– А как же вы попали в народное образование?

– И не только, я еще и в противовоздушной обороне участвую, – сообщил Джим с некоторым вызовом в голосе. – Что поделать, все помогаем, чем можем.

Второй этаж оказался еще запущенней первого. Джим Родс вынул из кармана свечу и зажег ее.

– Электричество сюда пока что не провели, к сожалению, но в доме полно свечей и керосиновых ламп.

«Что-то его судорожная жизнерадостность подтаивать начинает», – подумала Ева не без ехидства. Они остановились меж двумя дверьми – одна против другой, по разные стороны коридора.

– Вот и ваши комнаты. Остальные мы пока держим закрытыми, откроем, когда приедут другие.

Ева взглянула в конец коридора – одна из дверей была распахнута настежь.

– Однако не все? – удивилась она.

Джим Родс проследил направление ее взгляда и наморщил лоб:

– Странно. Я полагал, что запер все до единой.

И тотчас отвернулся, забыв о досадной мелочи, он, но не Ева. Ей стало любопытно, словно что-то там, за открытой дверью, притягивало ее, приглашало войти. Она взяла свечу и двинулась по коридору, Джим похромал следом, чуть поодаль.

– Наверное, здесь была детская, – сказал Родс.

Ева посветила свечой на стены, озарились наклеенные слой на слой обои – временные кольца на дереве, да и только! Можно без труда определить возраст дома по количеству бумаги у него на стенах. Ева замерла, ощутив что-то. Что-то странное, не поддающееся точному словесному определению.

– Здесь так... холодно, – поежилась она.

– К сожалению, обогревателей хватило только на первый этаж, – развел руками Джим.

Ева обхватила себя руками, подошла к окну и выглянула. Ей с трудом удалось разглядеть очертания леса через окутавший дом туман. Высоко над туманом стояла в небе луна, чистая и ясная, и тень Евы четко вырисовывалась на стене в лунном свете.

– Я не имела в виду холод в прямом смысле, доктор Родс. Нет, вовсе нет. Просто здесь так...

Ева вздохнула. Прикрыла глаза. В сознании словно металась мысль, почти недоступная выражению. Или ощущение, которое никак не передать словами? Вспомнился отчего-то тоннель в лондонском метро, где она пережидала воздушную тревогу. Пустой. Гулкий. Темный.

– Не знаю. Просто чувство какое-то... печальное. – Ева судорожно теребила медальон с херувимом на шее.

Джим встал рядом, тоже взглянул в окно.

– Комнаты не бывают печальными, мисс Паркинс. Печальны бывают люди.

Не отвечая, Ева всматривалась в туманный, ледяной мир внизу.

– Пойдемте, – сказал Родс, – я за нами дверь запру.

Ева выдохнула, точно очнувшись от этих простых слов, и поспешила за ним – прочь из комнаты. А вот тень ее на стене никуда не делась. Повернула голову – и проследила взглядом за ушедшими.

Ночь

За стенами особняка Ил-Марш туман по-прежнему окутывал белым покровом небо и море. Джим пожал руку Евы.

– Я постараюсь изменить здесь все к лучшему, насколько смогу.

– Спасибо. – Ева не отрывала глаз от его ссутуленной фигуры и дивилась про себя: что с ним, будто на глазах постарел!

Джим мрачно посмотрел на дом, на двор, на подъездную дорожку – и снова на молодую женщину. Казалось, он напряженно думает о чем-то, но говорить о предмете своих размышлений то ли не желает, то ли не в силах.

– Дом слишком велик, – выговорил Родс наконец осторожно и нехотя. – Вам бы... постоянно держать детей к себе поближе.

– Разумеется, – удивилась Ева.

– Я имею в виду, вам следует не подпускать их к дороге. Прилив поднимается очень быстро, и вы понимаете, – море тут беспокойное, так что...

Ева мягко тронула его за локоть.

– Доктор, с нами все будет в порядке.

Она улыбнулась, и Джим ответил ей неуверенной улыбкой:

– Да, конечно.

Улыбка его погасла – в дверном проеме появилась миссис Хогг.

– Лучше мне теперь поспешить. Попробую пробраться по дороге, пока ее еще не затопило. Всего наилучшего, дамы. – Он заторопился к автобусу.

Ева и Джин с интересом наблюдали, как он почти бежит от них.

– Зря он полагает, будто раз и навсегда от меня избавился. – Стальные глаза Джин сверкали праведным гневом.

Ева прекрасно знала, что за этим последует – не единожды ей доводилось становиться слушательницей моральных сентенций директрисы.

– А я и не знала, что ваш супруг служит в армии, – вырвалось у нее.

– Да и откуда вам знать? – вздернула бровь Джин.

Ева, справедливо посчитавшая этот вопрос риторическим, ответом не озаботилась. В Лондоне Джин разделяла свою профессиональную и частную жизнь непреодолимой стеной и сейчас явственно дала понять – здесь она менять ничего не намерена.

– Идемте, – кивнула Джин, – пора нам приниматься за уборку.

– Что, прямо сейчас?! Может, сначала хоть детей спать уложим?

– Ерунда. Дети тоже могут нам помочь.

Должно быть, изумление было написано у Евы на лице слишком яркими красками, поскольку ее начальница все же снизошла объяснить:

– Они все равно сейчас слишком взбудоражены, чтобы уснуть. Ну и к тому же поработать немного руками еще никому не вредило.

Она прошествовала обратно в дом, прямая и гордая осанка ничем не выдавала, что директриса совсем недавно пережила многочасовое, утомительно долгое путешествие. Ева потрясла головой и поплелась следом.

Молитва

Дети устали до изнеможения.

В пижамках и ночных рубашках они стояли на коленях у кроватей, изо всех сил зажмурившись. Ева и Джин застыли рядом.

Все они трудились без усталости. Каждый получил задание и старался выполнить порученное с армейской дисциплинированностью. Несколько раз Ева покосилась на Джин, наблюдавшей за работающими ребятами, – во взгляде директрисы сияла нескрываемая гордость.

Там, где крыша протекала, расставили тазы и ведра. Полы вымыли, пыль вытерли. Еве досталось задание попытаться насколько возможно оттереть со стен полосы плесени, бурно процветавшей по всему дому, – черной и густой, подобно тени.

Ничего не выходило. Сколько ни старайся, сколько чистящей пасты не наноси, плесень упорно отказывалась исчезать.

Иногда Еве даже казалось: наоборот, черные полосы делаются больше прямо у нее на глазах. Точнее, как раз напротив – растут, стоит ей отвернуться. Стоит посмотреть на стену – и заметишь краешком глаза, как очередное пятно движется, разрастаясь, точь-в-точь как если смотреть прямо в ночное небо – периферийным зрением можно охватить созвездия целиком. А потом она фокусировала взор на плесени и понимала, ничего похожего, пятно в точности такое же, как было. Или, по крайней мере, кажется таковым. «Должно быть, просто игра света», – вздохнула Ева. Ну, плюс еще и тот факт, что она невозможно, нереально устала.

– Четыре угла у кровати моей...

Дети говорили дружным хором, точнее, выпевали, по своему обычаю, слова старинной молитвы.

– И четверо ангелов встали вокруг ней.

Один – чтоб беречь, другой – чтоб спасти...

«А ведь говорят не все», – заметила Ева. Один молчит.

– А двое – чтоб душу в рай унести.

Эдвард, как и все, опустился на колени, руки набожно сложены, глаза закрыты. «Интересно, – подумала Ева, – о чем он молится? И молится ли вообще?» А вот о чем, точнее о ком, мальчик сейчас вспоминает, труда догадаться не составляло.

Джин хлопнула в ладоши.

– Так, ребята. А сейчас – всем в постель.

Дети послушно повиновались, Ева обходила кровать за кроватью, подтыкала одеяла, поправляла подушки, проверяла, все ли в порядке. У кровати Эдварда она задержалась. Опустилась на колени.

– Послушай. Если ты пока не хочешь разговаривать, ничего страшного. Тебе просто нужно время.

Эдвард, конечно, ответил лишь пристальным взглядом.

Ева наклонилась к нему, всем сердцем ощущая внутри знакомую пустоту, тупую и мучительную боль утраты. Кто-то, а она понимала, что должен чувствовать сейчас мальчик.

Ева зажмурилась. Вспомнила медсестру в поезде. Вспомнила свой страх.

– Твоя мама всегда будет с тобой, – зашептала она Эдварду. – Люди, которых мы теряем, никогда не уходят от нас совсем. Уж ты мне поверь, малыш...

Эдвард протянул руку и сжал ее ладонь. Ева изумилась настолько, что даже слезы в глазах просохли. Неужто ей наконец удалось до него достучаться?!

– А теперь, – продолжила она, – обещай мне, что будешь сегодня хорошо спать. И никаких плохих снов, понятно?

Эдвард закивал. Под одеялами тельце его казалось маленьким и жалким.

– Знаешь, что такое ночные кошмары? – убеждала Ева. – Это значит, твое сознание во сне освобождается от всех плохих мыслей. Приснились они тебе – и все, исчезли.

Эдвард потянулся к ночному столику, нашел листок бумаги и уголек. Написал на бумаге несколько слов и протянул Еве. Та прочла.

«Чушь это все», – было написано на бумажке.

– Правда? – рассмеялась Ева, но Эдвард уже принялся за следующее послание, и она терпеливо ждала, пока он закончит и передаст ей листок.

«Мама говорит, против плохих снов можно бороться хорошими мыслями».

– Вот ты и попробуй сделать, как мама советовала, идет? – Ева улыбнулась еще теплее.

И вновь Эдвард закивал и улыбнулся ей в ответ.

Заметив, что она разговаривает с мальчиком, к кровати двинулась Джин – наводить порядок.

– Надеюсь, завтра мы вновь услышим твой голос, Эдвард? – Спина ее была прямее линейки, лицо ничего не выражало. – Подобная чушь не может продолжаться вечно.

Улыбка упорхнула с губ Эдварда.

Ева попыталась подняться, но мальчик вцепился в ее руку, пытаясь удержать. Джин наклонилась и решительно отцепила худенькие пальцы.

– Он славный ребенок, – сообщила она с невеселой улыбкой, решительно уводя Еву под руку из спальни, – но придется учиться жить.

Еве невольно вспомнились слова Джима – некоторые люди сознательно запирают свои эмоции на семь замков и свято верят, будто поступают правильно. «Господи, да неужели так и с детьми необходимо обращаться? – думала она потрясенно. – Неужто подобная суровость поможет Эдварду скорее справиться с болью утраты? А может, наоборот, – только острее переживать заставит?»

– Всем приятных снов, – пожелала Джин, стоя в дверях. Щелкнула выключателем, и комната погрузилась во мрак.

Флигель

Перед тем как наконец свалиться и заснуть, у Евы оставалось еще одно, последнее дело. Джин, конечно, заявила, что с удовольствием сама им займется, но Еве ли было не заметить, как вымотана директриса, невзирая на все ее гордые заявления? И вот теперь пришлось тащиться, поеживаясь от холода, к флигелю – в руке зажата свеча, в воздухе стоит пульсирующее гудение.

Траву на лужайке по случаю их будущего прибытия подстригли, а вот земля в саду так и осталась неровной – древесные корни и камни так и поджидали зазевавшихся гуляющих, годы запустения не прошли для них даром.

Ева добралась до флигеля и вошла внутрь. Пульсирующее гудение здесь было еще громче. Генератор поставили старый, обшарпанный, подтекавший. Он занимал большую часть комнаты, а энергию вырабатывал на весь дом. Ева рассеянно посветила на аппарат, нашла выключатель и повернула его – генератор стал понемногу замедляться.

Ева выпрямилась... и застыла на месте.

По спине будто мороз прошел, все тело окаменело – она попыталась пошевелить руками, чтобы разогнать подступающую дурноту, отместить прочь... безуспешно. Невозможно себя обманывать, если точно знаешь, что происходит!

За Евой кто-то следил.

Она попыталась придать абстрактному страху известную рациональность, сообразить: кто бы это мог быть? Скорее всего, кто-то из ребятишек. Не смог уснуть, увидел ее во дворе и решил посмотреть, что она там делает. Может быть, расстроенный Эдвард? Или Том пытается грубовато подшутить – абсолютно в его манере, между прочим, выходка.

Ева стремительно обернулась, намереваясь уличить шутника.

Никого.

Она прислушалась... ничего, кроме постепенно угасающего шума мотора генератора. Ева выглянула в окошко флигеля, покрутила головой туда и сюда, – нет, вокруг лишь ночь да туман.

Она передернула все еще скованными плечами, приказала себе не бояться, вышла из флигеля и гордо прошествовала в направлении дома.

Чуть поодаль, незаметная для нее, стояла женщина, чей силуэт четко вырисовывался даже во тьме и тумане ночи.

Женщина наблюдала.

Ждала, ждала...

Херувим

Ева вошла в дом. Тщательно заперла за собой дверь, засунула ключ в карман. Если там, во дворе, остался парнишка, играющий в идиотские игры, ночь на холоде преподаст ему отличный урок! Однако через пару минут, чуть успокоившись, она принялась убеждать себя: нельзя быть настолько бессердечной, даже думать так – и то мерзко. Ева приотворила одну из двустворчатых дверей, ведущих в дортуар, и осмотрела кровать за кроватью. Все на месте, все спят. Немного утешившись данным обстоятельством, она решила отправиться на боковую.

Комнату, ей отведенную, освещали лишь свечи. Ева вынула из чемодана скудные пожитки, развесила немногие платья и костюмы, прихваченные в эвакуацию, в гардеробе. Дневник (она положила тетрадь на ночной столик), несколько недорогих, но бесценных для сердца украшений – вот и покончили с обустройством.

Ева осторожно сняла с шеи цепочку с херувимом, поцеловала медальон и опустила на ночной столик, рядом с дневником. Взглянула – и не сдержала печального вздоха. Теперь осталось сбросить только улыбку – здесь никого нет, стало быть, и насиловать себя не обязательно.

Она посмотрела на себя в маленькое зеркальце пудреницы. «До чего же усталой я выгляжу, – подумалось ей, – до чего измученной...»

Залезла в постель – что и требовалось доказать: почти такая же холодная и сырая, как и весь дом. Ева отчаянно старалась не стучать зубами, расслабиться и успокоиться, но сон не шел, глаза просто отказывались закрываться. Вытянувшись на кровати, она изучала взглядом потолок. Там, наверху, тоже оказалось темное пятно плесени, по форме – точь-в-точь остров. Ева принялась воображать этот остров, далекий-предалекий, куда ни глянь – сплошь стройные пальмы да белые песчаные пляжи, простирающиеся, насколько глаза достанет. Тропический рай, виденный лишь в голливудских фильмах. Она все всматривалась и всматривалась в пятно, и чем дальше, тем сильнее жалела некоей честной частью своей души, что не находится сейчас там, на белом песке, под жарким солнцем, и плевать на весь прочий мир. Никакой войны, никакого горя. Там она точно смогла бы расслабиться. Там она улыбалась бы не по необходимости.

А сна, между прочим, по-прежнему ни в одном глазу, мечтай не мечтай. Ева перекатилась на бок и покосилась в сторону окна. Там, за наглухо задернутыми из-за светомаскировки шторами, шумело море, но было вполне очевидно – нет, не бирюзовый прибой лижет тропические берега. Холодное, безжалостное северное море хлещет волнами в дамбу. Поневоле представляются угри в воде – скользят, сплетаются, проплывают друг над другом, друг под другом, будто обвивают черными телами весь остров...

Ева нервно перевернулась на другой бок, и вдруг поняла: она – в совершенно иной комнате. Осмотрелась круглыми от изумления глазами. Теперь ее кровать стала одной из многих, кровати тянулись длинными рядами аж до двустворчатой двери. Все прочие постели пустовали. Больничная палата?

Пациентов в ней не было, зато хватало теней и звуков – откуда-то издали доносились слабые стоны и вскрики.

С заходящимся сердцем и звоном в ушах Ева все же совершила отчаянную попытку понять, что с ней происходит, отбросила одеяла, нащупала босыми ногами пол, встала. Прокралась мимо кроватей в надежде обнаружить источник странных звуков где-нибудь в палате. Странно: пустые постели не были застелены и на каждой осталась вмятина от тела неведомо куда исчезнувшего пациента.

Босые ноги шлепали по полу – Ева продвигалась все дальше.

Чем ближе она подбиралась к двустворчатой двери, тем более явственными становились стоны и крики. Ева распахнула дверь, напротив оказалась еще одна, на сей раз – одностворчатая. Крик стал отчаянно громким, почти невыносимо мучительным.

Ева почти коснулась дверной ручки. Помедлила. Ох, до чего же хочется заглянуть внутрь, отчего же останавливает страх того, что она там, возможно, увидит?

Снова протянула руку – и с тем же успехом: словно тело само отказывалось открывать дверь. Ева глубоко вздохнула, сглотнула. Еще раз. Еще... Прикусила губу, будто свой страх, – и решительно толкнула дверь.

Перед ней столпились доктора и медсестры, окружавшие женщину на кровати. Кричала она, кричала все громче – и истекала кровью. Женщина рожала.

Ева подалась вперед, пытаясь получше рассмотреть роженицу, – бесполезно, все загорали спины помогавших ей медиков. Только и удалось разглядеть тонкую руку, судорожно хватающуюся за металлический столбик в изголовье.

А потом все изменилось. Женщина перестала кричать, лишь дышала тяжело, будто только что пробежала марафонскую дистанцию. От кровати торопливо отошла медсестра, унося с собой укутанный в одеяльце сверток. Ева вытянула шею, всмотрелась – оттуда высывалась младенческая ручонка, крошечные пальчики беспомощно шевелились, точно пытаясь что-то ухватить.

– Позвольте посмотреть на него... ну пожалуйста, прошу вас...

Это простонала мать с кровати. Однако медсестра ее как будто и не слышала – прижала сверток в одеяльце к груди, резко развернулась и пошла прочь, к дверям, мимо Евы.

– Умоляю, – плакала мать, – умоляю, вернитесь!..

Медсестра и внимания на нее не обращала, шла своей дорогой, вот уж и дверь за ней захлопнулась, закрипела, но затворилась не полностью.

– Умоляю, – в голосе матери звучало отчаяние, казалось, она вот-вот сорвет горло в бесплодной мольбе. – Не уходите, прошу вас, дайте мне хоть увидеть...

Нет ответа, лишь хлопает и хлопает рассохшаяся, неплотно прикрытая дверь.

Скрип-скрип, хлоп-хлоп.

Ева попыталась отключиться от посторонних звуков и сконцентрироваться на голосе роженицы. Что-то в нем было неуловимо знакомое. Она подкралась поближе в надежде рассмотреть лицо несчастной матери – и внезапно увидела, кто лежит на железной кровати.

Она сама.

Скрип-скрип

Ева задохнулась. Села на постели, прижала ладонь к бешено бьющемуся сердцу.

Все в порядке, она – в своей комнате в Ил-Марше. Одна-одинешенька. Потрясла головой, сиюсь изгнать из памяти жуткие картины тягостного сна, – вот именно что сна. Всего лишь сна. Страшный сон, ничего больше.

Дыхание постепенно успокаивалось, и она заставила себя лечь, – возможно, удастся заснуть снова. Но что-то мешало. Какой-то звук – ритмичный, будто пульсирующий.

«Это же дверь в больнице!» – поняла она внезапно. По-прежнему болтается, никак не захлопнется. Посмотрела на дверь спальни – заперта намертво. А звук никуда не пропадает.

Скрип-скрип, хлоп-хлоп...

Должно быть, генератор. Должно быть, его кто-то снова запустил. Стоило Еве подумать об этом, и сразу же стало ясно – нет, невозможно, она самолично его вырубил. Прислушалась.

Скрип-скрип, хлоп-хлоп...

Сна словно и вовсе не бывало – ночной кошмар преотлично об этом позаботился. Ева сорвалась с кровати, раздернула плотные шторы.

Ничего – лишь пустой ночной берег и спокойное, тихое море.

Звук послышался вновь. Никаких сомнений, он доносился изнутри дома.

Нет, но слышит же его еще кто-нибудь? Не может же быть, что только она?!

Скрип-скрип, хлоп-хлоп...

Нечего рассчитывать, что еще кто-то услышит, поняла вдруг Ева, и примет меры. В доме – дети, и она – учитель, она за них в ответе. Надо самой разобраться, что за чертовщина тут творится.

Ева зажгла свечу, распахнула дверь. Еще пару раз глубоко вдохнула, по-прежнему чувствуя истерический запал недавнего сна, – и высунулась в коридор.

Там царила тишина. Никого, ничего... Ева прильнула ухом к двери комнаты Джин, прислушалась, – ответом ей стало лишь тихое похрапывание. А звук только стал явственнее, и доносился он, похоже, снизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.